

DOI: 10.25178/nit.2023.4.19

ФИЛОЛОГИЯ

Статья

Символика числа семь в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских, монгольских и китайского языков)

Михаил А. Бредис, Сюэ Бохао,

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье приводится анализ тувинских фразеологических единиц и фольклорных текстов с числовым компонентом «чеди» (семь). Цель исследования — рассмотрение символики нумератива «чеди» во фразеологии разных разрядов и фольклорных текстах в тувинском языке (на фоне ряда тюркских, монгольских и китайского языков). Выбор числа обусловлен тем, что оно имеет особое значение не только для тувинской, но и для других рассматриваемых лингвокультур. Особое положение число семь имеет в китайской лингвокультуре. Исследование проведено на материале ФЕ, в том числе паремий, и примеров из фольклорных текстов из авторской картотеки, извлеченных путём сплошной выборки из лексикографических источников тувинского, хакасского, алтайского, монгольского, бурятского, калмыцкого и китайского языков.

Фольклорные тексты и ФЕ тувинской лингвокультуре в большинстве своем основаны на символике числа «чеди», а также его сакральном характере. Это число отражает мифологизированные представления тувинского народа о времени и пространстве, также выражая понятие множественности, большого количества, и по символике соотносится с числом «тос» (девять). Большое сходство в символике числа семь обнаруживается с лингвокультурами рассматриваемых тюркских и монгольских народов, что объясняется родством тюркских и монгольских языков в рамках алтайской макросемьи языков, особенностями общей истории и лингвокультурным трансфером тувинцев, монголов и бурят. Большое влияние оказал буддизм с его символикой. Более сильным число семь является у монгольских народов. Высказано предположение, что символика числа семь связана также с математикой, ведь семь — самое большое простое число в первом десятке.

Ключевые слова: тувинский язык; тувинский фольклор; тюркские языки; монгольский язык; китайский язык; символика числа; числовой код; фразеология; паремиология

Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов Российского университета дружбы народов.

Для цитирования:

Бредис М. А., Сюэ Б. Символика числа семь в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских, монгольских и китайского языков) // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 274-289. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.19>

Бредис Михаил Алексеевич — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: bredis-ma@rudn.ru

Сюэ Бохао — аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: xuebohao1997@yandex.ru

BREDIS, Mikhail Alekseevich, Candidate of Philology, Leading Researcher, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 6, Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation. E-mail: bredis-ma@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0003-4885-952X

XUE, Bohao, Postgraduate student at the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 6, Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation. E-mail: xuebohao1997@yandex.ru

PHILOLOGY

Article

Symbolism of the number seven in Tuvan linguoculture (in comparison with Turkic, Mongolian and Chinese languages)

Michail A. Bredis, Xue Bohao
RUDN University, Russian Federation

The article conducts an analysis of Tuvan phraseological units and folklore texts featuring the numerical component “chedi” (seven). The research endeavors to scrutinize the symbolism inherent in the numeral “chedi” within phraseological constructs across diverse categories and folklore narratives within the Tuvan linguistic framework, contextualized against the backdrop of several Turkic, Mongolian, and Chinese languages. The selection of the number is substantiated by its distinct significance not only within the Tuvan linguistic milieu but also within the broader spectrum of the linguacultures under consideration. Notably, the number seven holds a distinctive position within Chinese linguacultural contexts. The study is predicated on an examination of materials comprising phraseological units, including proverbs, as well as instances extracted from folklore texts residing in the author’s database. These materials were methodically derived through a comprehensive sampling methodology drawn from lexicographical sources encompassing Tuvan, Khakas, Altai, Mongolian, Buryat, Kalmyk, and Chinese languages.

Folklore narratives and phraseological units within the Tuvan linguacultural domain predominantly derive their thematic essence from the symbolism encapsulated in the number “chedi”, coupled with its sacrosanct character. This numerical representation encapsulates mythologized perspectives held by the Tuvan populace concerning temporal and spatial dimensions, concurrently expressing the conceptual underpinning of multiplicity, abundance, and symbolically aligning with the numerical counterpart “tos” (nine). A discernible congruence in the symbolism of the numeral seven emerges with the linguacultural milieus of the scrutinized Turkic and Mongolian ethnic groups. This affinity is explicable through the inherent relationship among Turkic and Mongolian languages within the Altaic language family, coupled with shared historical trajectories and the linguacultural transference characterizing the Tuvan, Mongol, and Buryat communities. The pervasive influence of Buddhism, along with its symbolic lexicon, is duly acknowledged. Notably, the numerical significance of seven assumes a heightened status among Mongolian ethnicities. A conjecture posited within the study posits that the symbolic representation of the numeral seven is intricately connected with mathematical considerations, as seven represents the largest prime number within the initial decadal sequence.

Keywords: Tuvan language; Tuvan folklore; Turkic languages; Mongolian language; Chinese language; numerical symbolism; numerical code; phraseology; paremiology

Financing

The publication was carried out within the framework of project B.2-A/S2022 of the Grant Support System for Scientific Projects of the Peoples’ Friendship University of Russia.

For citation:

Bredis M. A. and Xue B. Simvolika chisla sem’ v tuvinskoi lingvokul’ture (na fone riada tiurkskikh, mongol’skikh i kitaiskogo iazykov) [Symbolism of the number seven in Tuvan linguoculture (in comparison with Turkic, Mongolian and Chinese languages)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 274-289. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.19>

Введение

В лингвокультуре нумеративы играют важную роль, будучи компонентами числового кода культуры. Числительные и слова, которые обозначают количество, образуют числовой код культуры, культурные смыслы которого отражаются во фразеологии языка. Во фразеологизмах нумеративные компоненты, помимо прямой семантики, имеют семантику символическую, «уходящую корнями в древние толщи магических осмыслений Числа» (Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2021: 204), что входит в круг исследуемых проблем ряда учёных.

Нумеративная лексика как компонент числового кода лингвокультуры в тувинском фольклоре и фразеологии изучена в настоящее время ещё недостаточно. Один из соавторов уже начал работу по этой теме, обосновав проблему и проанализировав некоторые нумеративы (Бредис и др., 2022; Бредис,

Новоспасская, 2023; Бредис, 2023). В частности, это касается паремий как разновидностей фразеологизмов, поскольку, по мнению Е. Е. Иванова и его соавторов, ни одна из «дифференцированных на разных основаниях групп лексических компонентов тувинских пословиц и поговорок не имеет своего полного синхронического освещения (ни в описательном, ни в сопоставительном плане)» (Иванов, Марфина, Шкуран, 2022: 49). На наш взгляд, в сопоставительном плане важно выявить не столько специфические компоненты фразеологизмов (в том числе паремий), сколько общее для разных лингвокультур, и уже с учётом общего описывать специфику, что подтверждают новейшие исследования тувинских паремий на фоне различных языков (Бредис, Иванов, 2022; Зиновьева, Алёшин, 2022; Иванов, 2022; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Иванов, Марфина, Шкуран, 2022; Ломакина, 2022; Нелюбова, 2022; Петрушевская, 2022).

Целью работы является рассмотрение символики нумератива *чеди* 'семь' как компонента числового кода культуры в фольклорных текстах и фразеологии тувинского языка (на фоне ряда тюркских, монгольских и китайского языков) и выявление особенностей употребления этого числа. Для исследования из фольклорных произведений выбраны героический эпос и народные сказки. Из фразеологических фондов выбранных языков рассматривались идиомы и паремии как наиболее частотные и употребляемые устойчивые единицы. Выбор числа *чеди* обусловлен его заметной ролью в лингвокультуре тувинцев. Это число носит сакральный характер не только в тувинской, но и в других тюркских культурах Саяно-Алтая, а также в монгольской культуре. Определённой сакральностью *семь* обладает в китайской лингвокультуре. Кроме того, в задачи входит выявление универсальных и специфических характеристик бытования числа *чеди* в фольклоре и фразеологии тувинцев в сопоставлении с другими рассматриваемыми лингвокультурами.

Материалом исследования послужила авторская картотека, включающая тувинские (42), хакасские (56), алтайские (134), монгольские (35), бурятские (82), калмыцкие (236) и китайские (32) фразеологические единицы (ФЕ) и примеры из фольклорных текстов, включающие в себя компонент-нумератив *семь* (617 единиц). Материал отбирался приёмом сплошной выборки из авторитетных словарей и сборников из области фразеологии разных разрядов и фольклорных текстов¹, относящихся к рассматриваемым лингвокультурам, а также ряда монографий и статей.

Методологической базой исследования стали научные работы, в которых в разных аспектах описывается числовой код культуры во фразеологии и фольклоре (Гармаева, 2008; Нам, 2016; Бредис,

¹ Абай Гэсэр-Хубун: Эпопея: (Эхирит. булагат. вариант) / записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имегенова; подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хоконова; вступ. ст. А. Уланова. Улан-Удэ, 1961; Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят / сост. Б. Бальбурова. Улан-Удэ, 2020; Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь: в 4-х т. : ок. 70 000 слов / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002. [Электронный ресурс] // Altaica.ru. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (дата обращения: 11.10.2023); Большой китайско-русский словарь. Главная страница [Электронный ресурс] // БКРС. URL: <https://dabkrs.com> (дата обращения 05.09.2023); Готлиб О. М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. 2-е изд., стереотип. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019; Калмыцко-русский словарь. 26000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977; Джангар — Би «Жаңһр» дасчанав = Я изучаю «Джангар»: Калмыцко-русский словарь = Хальмг-орс толь / Б. Х. Тодаева; дааврта ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элст: Герл, 2009; Хыйга сôs: сиспектер, сôsпектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова, 2021; Несказочная проза алтайцев / сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011; Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят / сост. Б. Бальбурова. Улан-Удэ, 2020; Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: АПП «Джангар», 2007; Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001; Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, Сибирское издательско-полиграфическое книготорговое предприятие РАН, 1997; Тувинские народные сказки / сост. З. Б. Самдан. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1994; Тувинско-русский фразеологический словарь = Тыва-орус фразеология словари : около 1500 фразеологизмов / сост. Я. Ш. Хертек; под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975; Хыйга сôs: сиспектер, сôsпектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова, 2021.

Ломакина, Мокиенко, 2021; Бредис и др., 2022; Бредис, 2023; Бурькин, 2004; Мижит, 2010; Пюрбеев, 2015; Чугунеева, 2019ab), этнокультурные особенности традиций, мифологии и фольклора тюркских, монгольских и китайского народов (Бабуева, 2001; Бурькин, 2020; Жуковская, 2002; Кенин-Лопсан, 2021; Курбатский, 2001; Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022; Ойноткинова, 2021; Самдан, 2016; Субракова, 2005, Титаренко, 2007), новые работы по теории паремиологии как самостоятельного направления в языкознании (Паремиология без границ, 2020; Паремиология на перекрестках ... , 2021), по теории лингвокультурного сопоставления паремий (Бредис, Димогло, Ломакина, 2020; Иванов, 2022). В исследовании использован описательный метод с элементами лингвокультурологического и историко-этимологического анализа. Отобранный материал анализировался в соответствии с семантикой и образностью компонентов, связанных с числом семь, при необходимости добавлялся лингвокультурологический комментарий. При сопоставлении паремий учитывались их структурно-семантические модели, ключевые образы и значения.

Символика числа семь в тюркско-монгольском мире и в Китае

В числе тюркских нумеративов, несущих заряд традиционного символизма, число семь занимает видное место, наряду с другими почитаемыми числами первого десятка: три, четыре, семь, восемь, девять (Сравнительно-историческая ... , 2001: 580). О древности традиции сакрализации говорит тот факт, что в шаманских представлениях народов Сибири числа семь и девять относятся к важным факторам космогонии, антропогенеза, считаясь «строительным материалом» мироздания. Так, в представлении хакасов Верхний мир с его девятью небесами является обителью девяти творцов, а Нижний мир состоит из семи слоёв и управляется семью подземными божествами (Нам, 2016: 31). Символика числа семь у тюркских народов пронизывает многие сферы лингвокультур: мифологические представления, верования, родственные отношения, фольклор и фразеологию, обозначает обилие, полноту и совершенство событий (Сравнительно-историческая ... , 2001: 584). Кроме того, число семь символизирует определённый временной цикл в круговороте бытия (Нам, 2016: 32).

Большой степенью сакральности число *долоо(н)* 'семь' наделяется у монгольских народов. В кочевом мире монголов числа и выраженные числами наборы предметов и понятий, имеют символическое, ритуальное значение, связанное с определённой традицией (Жуковская, 2002: 165). Число семь по мощи символики у монгольских народов, где она получает магический характер, вероятно, превосходит силу числа семь у тюркских народов, где она сравнима с символикой числа три (Сравнительно-историческая ... , 2001: 585). В шаманизме бурят мы находим семь небесных кузнецов (Бабуева, 2001: 96). В алтайских шаманских текстах каждый из трёх миров — Нижний, Средний и Верхний — подразделяется ещё на семь слоёв — *жету кат*, у божеств Ульгена и Эрлика по семь сыновей, у Эрлика ещё семь дочерей (Ойноткинова, 2021: 295). Согласно шаманистическим представлениям калмыков, в загробном мире существует семь видов ада (*тамин долан орн*), предназначенных для кары грешников (Пюрбеев, 2015: 22). Вместе с буддизмом в монгольскую культуру пришли знания тибетской медицины и астрологии, где число семь приобретает космическое значение, связанное с семью планетами, семью цветами радуги, семью металлами, семью драгоценностями и пр. (Жуковская, 2002: 177).

В китайской лингвокультуре число 七 'семь' трактуется неоднозначно, кроме того, за этим числом стоят важные образы. С одной стороны, оно почитается китайцами и символизирует мужскую силу *ян*. По мнению Лю Дачао, число семь играет весьма важную роль и в китайской, и в мировой фольклористике, «поскольку имеет свойства 'космической цифры' и 'колдовское значение'» (цит. по Ди Яогуанг, 2016: 84). Своё влияние на восприятие символики числа семь оказывают и религиозные воззрения китайцев. В даосизме выделяется семь канонов, в буддизме говорится о семи буддах прошлого, семи рангах буддийских верующих. В конфуцианстве также говорится о семи канонах. Число семь является итогом Инь / Ян и У син (пять стихий) (там же: 84). В Древнем Китае выделялись семь светил (七星): Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн. Именно за семь дней происходит период обращения небесного цикла. Многие произведения китайской классической литературы начинаются с этого нумератива, например, 七谏 «Семь увещаний»¹, 七发 «Семь наставлений»² и пр. В Древнем Китае

¹ 七谏 [Электронный ресурс] // БКРС. URL: <https://dabkrs.com/slovo.php?ch=七谏> (дата обращения 05.09.2023).

² 七发 [Электронный ресурс] // БКРС. URL: <https://dabkrs.com/slovo.php?ch=七发> (дата обращения 05.09.2023).

существовали семь книг по военному искусству. Предметы повседневного спроса китайцы называют обобщённым названием 七件事 ‘Семь предметов первой необходимости’ (дрова, рис, масло, соль, соя, уксус, чай). В стране популярна детская игра 七巧板 — головоломка из семи частей. В китайской медицине существуют семь разрядов лекарственных средств (там же: 85).

С другой стороны, с числом семь связан обычай 七 ‘седьмин’, соблюдения траура по умершему в течение семи семидневных периодов, т. е. 49 дней, когда каждый седьмой день является поминальным. В китайской культуре число *семь* носит также отрицательный характер, и седьмой месяц года считается «злым» месяцем (恶月) (Хуан Цинхуа, 2010: 141).

Тувинская мифология и число *чеди*

В тувинской лингвокультуре число *чеди* ‘семь’ носит сакральный характер, часто встречаясь в мифологии и фольклоре. Сила символики числа *чеди* у тувинцев сопоставима с символикой числа *тос* ‘девять’, которая буквально пронизывает культуру и быт народа (Бредис, 2023), вероятно, несколько уступая последней. В своей лингвокультуре тувинцы имеют такие понятия, как *чеди чүзүн мал* ‘семь видов скота’ (наряду с *тос чүзүн мал* ‘девятью видами скота’), *чеди кезектиг мөргүл* ‘молебен из семи частей’, почитают *чеди эртине* ‘семь драгоценностей’ и др. Всё, что положено или нельзя делать человеку, распределяется в соответствии с семью периодами жизни тувинца (Кенин-Лопсан, 2021: 6). Существует правило, определяющее, что родственники до седьмого колена не могут жениться между собой. Традиционно тувинский мальчик в семь лет становился помощником отцу, семилетние мальчики и девочки всегда знали, как правильно входить в юрту и как себя вести в ней (Кенин-Лопсан, 2021: 19, 39). В тувинской топонимии число *чеди* символизирует множество, используя в значении ‘много’: в частности, гора с множеством вершин носит название *Чеди-Баштыг* ‘семиголовая’; река, протекающая в местности, где много сопок, называется *Чеди-Тей* ‘Семь холмов’; район, в котором много пресных и солёных озёр, — *Чеди-Хөл* ‘Семь озёр’ и т. п. (Кара-оол, 2019: 696–697).

С участием числа *чеди* у предков тувинцев сформировался астрономический термин *Чеди Хаан* ‘Семь Ханов’, или *Чеди Сылдыс* ‘Семь Звёзд’. Так называется созвездие Большой Медведицы, которое в тувинской культуре обладает сакральным статусом, почитается народом. По тувинским поверьям, это созвездие, главный ориентир в ночное время, наблюдает за всеми семью возрастами человека, охраняя людей и присматривая за спящими в юрте через дымовое отверстие (Кенин-Лопсан, 2021: 6, 49). О созвездии *Чеди Хаан* существует немало тувинских мифов. Так, тувинцы-тоджинцы считают, что когда-то жили семь ханов, которые не хотели выполнять повеления друг друга, говоря: *Мен хаан мен, чүве кылбас мен!* ‘Я — хан! Я ничего не буду делать’. С тех пор они так и сидят поодаль друг от друга на небе неподвижно (Орус-оол, 2020: 11–12). Согласно другому мифу, сначала существовало семь частей света, которыми правили семь ханов. Затем они объединились и стали семью звёздами-ханами (там же). Другое название Большой Медведицы у тувинцев *Долаан бурган* пришло из монгольского языка и буквально означает ‘Семь божеств’ (монг. *Долоон бурхан*). Тувинская культура на протяжении многих столетий испытывала монгольское влияние и заимствовала многие элементы монгольской культуры (Попов, Бурыкин, 2019; Шараяева, Айыжы, 2019). В молитве, обращённой к небу, упоминается именно это название созвездия в качестве божества (Кенин-Лопсан, 2021: 75). Интересно, что в тувинской культуре семь звёзд, семь божеств (монгольские *Долоон бурхан*) персонифицируются в одном божестве по имени *Долаан*, которое перед Новым годом на своём коне объезжает все аалы. Моление созвездию проходило почти в каждой семье с возжиганием лампадок и приглашением лам. Считалось, что одновременно с молитвой происходит и «угощение» созвездия (Монгуш, 1992: 92).

В монгольской лингвокультуре *Долоон бурхан* является самой популярной мифологической семёркой. Одновременно образ созвездия упоминается и в фольклоре, и в шаманской и буддийской мифологии. Монгольские буддисты обозначали семь звёзд созвездия именами Будды Шакьямуни, бодхисаттвы мудрости Маньчжушри и пяти будд созерцания (Жуковская, 2002: 177). По-другому это созвездие у монголов и бурят называется ‘Семь старцев’ (монг. *Долоон өвгэн*, бурятск. *Долоон үбгэд*). Существуют различные сюжеты монгольских и бурятских сказок о семи старцах. Обычно в монгольских мифах речь идёт о семи мужчинах, обладавших особенными способностями. Обозначение их как старцев объясняется следующим образом: «Так давно это было, что стали они старцами» (Бакаева, 2020: 664). Иногда ойраты именовали созвездие *Долоон марал* ‘Семь маралов’, что говорит о связи названия с охотничьей мифологией (там же: 661). В калмыцкой культуре Большая Медведица также почитается

как созвездие, отпускающее грехи. Согласно народному поверью, грехи будут отпущены, если семь раз произнести: *Долан одн, Долан бурхн, дола дэч давтад келхлэ — килнц уга* 'Семь звезд, Семь бурханов, если повторить семь раз, то исчезнут грехи' (там же: 664).

В алтайской и хакасской лингвокультурах Большая Медведица также связана с числом *семь*: хакас. *Четиген (Чети чылтыс)* 'Семь Ханов (Семь звёзд)', алтайск. *Јети Каан* 'Семь Ханов'. Мифы хакасов и алтайцев об этом созвездии имеют сходные с тувинским сюжеты. В алтайских мифах семь звёзд — это семь братьев, сыновей хана, которых Кудай превратил в звёзды из-за их лени, или же они сами поднялись в небо, так как не делали ничего, даже готовую пищу не могли есть, говоря: *Мен — каан, мен — каан* 'Я — хан, я — хан' (Ойноткинова, 2021: 378). Согласно хакасскому мифу, звёзды Большой Медведицы были семью братьями-ханами, а Плеяды (*Улгер*) были семью сёстрами, дочерьми Хана Читетей, жившими на берегу озера у подножия горы Чити-хыс 'Семь дев'. После похищения братьями одной из дочерей Хан Читетей пригвоздил убежавших братьев своей стрелой к небу. Стрела стала Полярной Звездой (*Хан Читетей угы*), и вокруг неё вечно крутятся семь братьев (там же: 382).

В китайской лингвокультуре число 七 (ци, 'семь') также связано с созвездием Большой Медведицы — Северным Ковшом. Другое название созвездия — 七星 'Семь звёзд'. Согласно даосской мифологии, семь звёзд Северного Ковша — это одновременно семь духов, которые властвуют над судьбами людей, их жизнью и смертью. Само изображение Северного Ковша в Китае почиталось магическим, обладавшим способностью отворачивать злых духов (Иксарова, 2021: 8). Кроме того, в мифологических представлениях китайцев существовал волшебный «меч семи звёзд» (七星劍) (там же). С семёркой связано также название созвездия 七公 — Цигун, 'Семь государей' (созвездие из четырёх звёзд созвездия Геркулес и трёх звёзд созвездия Волопас) (Ди Яогуанг, 2016: 85).

Как видим, символика числа семь в мифологии тувинцев обнаруживает большое сходство по своей значимости в рассматриваемых лингвокультурах, что объясняется родством тюркских языков и тюрко-монгольской общностью, а также определяется астрономическими реалиями (созвездие *Чеди Хаан* представляет собой хорошо видимое глазу множество из семи звёзд). В этом символика числа семь сближается с китайской.

Эпическое представление числа семь

В тувинских фольклорных текстах (героических сказаниях и сказках) встречаются различные объекты и события, описанные с помощью числа *чеди*. Свою роль в сакрализации числа *чеди* сыграли мотивы как шаманизма, так и буддизма (Мижит, 2010: 168). В эпосе данное число определяет пространственный аспект, символизирует огромные, фантастические расстояния.

В тувинском героическом сказании «Хунан-Кара» главный герой говорит: *Бистиң черниң чарыжы болза / Ямбы дипти чеди долгандыр / Чарзыр чарыш болза, / Чаржыт болур ыйнаан....* 'Скачки же в нашем краю — / Семь раз Ямбы-дип обежать. / Вот ведь какие скачки'¹.

Число *чеди* выступает здесь частью гиперболического описания, дающего понятие о размахе скачек. Образ Ямбы-дипа (от санскр. Джамбудвипа) связан с буддизмом. Согласно воззрениям буддистов, Джамбудвипа — один из четырёх материков в мировом океане, которые располагаются вокруг горы мироздания Меру (Сумеру). В широком смысле это весь мир людей. Упоминание мифического материка Ямбы-дипа (у монгольских народов Замбатипа) играет в эпосе важную смысловую роль, сближая мир людей с другими мирами (Бурькин, 2020: 193). Одновременно мощной гиперболой является описание скачек, цель которых — семь раз обогнуть весь мир. Эпический размах, где число семь усиливает гиперболу. Ведь проскакать вокруг света один раз — невыполнимая задача, а тем более семь раз. В сказании о богатыре Хан Хулуке («Хан-Шилги аъттыг Хан-Хулук»), герой пересекает семь рек, семь долин, семь горных хребтов и находит семь пятнисто-бурых косуль (Мижит, 2010: 168). Число семь здесь, возможно, неслучайно. Ведь и космическая гора Сумеру в буддийской мифологии отделена от мира людей семью горными хребтами, семью озёрами. Символика числа семь переводит действие эпоса в сакральную плоскость. В сказании «Хунан Кара» встречается один из персонажей, который, придумывая новое испытание для героя, оценивает силы его коня: *Мооң кара богбазы / Чеди хемнин-даа*

¹ Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, Сибирское издательско-полиграфическое книготорговое предприятие РАН, 1997. С. 210–211.

кайын кежиң, / Чеди артты-даа кайын ажар ‘Разве чёрному его стригунку / Семь рек пересечь? / Разве семь перевалов преодолеть?’¹. Согласимся с Э. Б. Мижитом в том, что в героических сказаниях речь идёт не просто о географии, а о мифическом, своего рода духовном путешествии героя (Мижит, 2010: 168).

Число семь также символ необыкновенной силы или волшебных атрибутов персонажей эпоса. Например, в сказании «Алдай-Буучу» необыкновенная гнедая кобылица, которая три года не могла ожеребиться, разбросала за это время в семь разных сторон семь чёрных скал (Гребнев, 1960: 35). В эпосе «Хунан Кара» атрибут ведьмы-ханши чылбыги — семь волков. Она неоднократно упоминается как *чеди бөрүнү эдерткен* ‘ведущая за собой семь волков’, в семи волках спрятана одна из душ силы Кара Көгел — хана, правителя шулбусов².

Следует отметить, что число *чеди* ‘семь’ в эпосе упоминается наряду с другими сакральными числами, прежде всего, с числом *тос* ‘девять’, которое в тувинских героических сказаниях встречается заметно чаще (Мижит, 2010: 168–169). Иногда *чеди* соседствует с *тос*, символизируя большое множество или большой отрезок времени. Так, в эпосе «Хунан Кара» главный герой угощает стражей: *Чеди дайзынны / Чеди чүүл чеми-биле чемгерип / Тос дайзынны / Тос чүүл чеми-биле / Доңгайты чемгерип* ‘Семь стражей [Хунан Кара] угостил / Семью видами угощений. / Девять стражей / Досыта угостил / Девятью видами угощений’³. Там же: *Чоок дизе, / Чеди чыл иштинден бээр / Келир боор мен, / Ырак дизе, / Тос чыл иштинден бээр / Келир боор мен* ‘Если близко, / Через семь лет / Я вернусь. / Если далеко, через девять лет / Я вернусь’⁴. Семь символизирует здесь определённый предел и как множество, и как отрезок времени. Но предел неокончательный, поскольку существует ещё больший предел — девять.

В тувинских народных сказках магическое число *чеди* очень популярно, о чём говорят, например, следующие названия сказок: «Чеди алышкы» («Семь братьев»); «Чаңгыс тевелиг Чаңгыс-Тас, чеди тевелиг Чеди-Тас» («Одинокий Тас с одним верблюдом и семь Тасов с семьёю верблюдами»); «Чеди оолдуг сааскан» («Сорока с семьёю птенцами»); «Адыш оюу хурүнелиг чеди күске» («Семеро мышей, живущие в норке-с-ладонь»)⁵. В сказках число семь также обозначает множество, определяет отрезки пространства и времени. В первой сказке семь братьев становятся созвездием Угер ‘Плеяды’. Одна фраза в сказке «Семь братьев» упоминает число *чеди* целых пять раз: *Чеди хемниң белдиринге, чеди оруктун белдиринге чеди алышкы сүмелешкеш, чеди хемче чеди чаңгыс ажылдап чоруур бооп чугаалажып туруптур* ‘У слияния семи рек семеро братьев посоветовались и решили, что каждый из семерых работать пойдёт — по одной из семи рек’⁶. Частое использование числа *чеди* в значении *полное множество* придаёт этой фразе особую образность.

В алтайских сказаниях, мифах и легендах символический круг понятий, связанных с числом *јети* ‘семь’, также распространяется на время и пространство, характеризует эпических персонажей. Так, чудовище *Дьелбеген* (тув. *Чылбыга*), когда охвачено яростью, становится семиголовым (*јети башту болор*), другой персонаж эпоса из Нижнего мира — *Јелбис-Бодо-Хан* описывается как чудовище с семьёю ответвлёнными головами (*јети айры башту*), также в алтайском эпосе «Маадай-Кара», который характеризуется довольно высокой частотностью употребления числа семь, фигурируют *јети бөрү* ‘семь волков’. Это духи земли, наряду с девятью воронами (Ойноткинова, 2021: 296). В легендах встречаются духи-хозяева Алтая — *Алтайдын јети ак зайсангы* ‘семь белых зайсанов Алтая’⁷. В целом, числа семь и девять у алтайцев конкурируют, прежде всего, когда речь идёт об описаниях трёх миров, о количестве слоёв и божеств (Ойноткинова, 2021: 297).

В хакасском фольклоре слово *читі* ‘семь’ используется для описания определённого множества, а также большого отрезка времени: *Таи чаиазында чир алтынау читі айна пахласчалар* ‘У подножия

¹ Там же. С. 188–189.

² Там же. С. 272, 284.

³ Там же. С. 158–159.

⁴ Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, Сибирское издательско-полиграфическое книготорговое предприятие РАН, 1997. С. 188–189, 242–243.

⁵ Тувинские народные сказки / сост. З. Б. Самдан. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1994. С. 292, 332–333, 370, 372.

⁶ Там же. С. 292–293.

⁷ Несказочная проза алтайцев / сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. С. 457.

горы, из-под земли семь чертей»; *Чити кенге читіре полчадыр тойлары* 'Свадьба длится у них до семи дней' (Абумова, 2013: 5); *читі кунге читіре күрес турлар* 'семь дней борьбы'; *читі хурчи агар чаа* 'семь кругов вражеской армии' (Субракова, 2005: 102). В эпосе «Ай Хуучын» число *читі* символизирует совершенство достоинств героя: *Читі ирлік айнадаң / Читі артык Ай Хууңын, / Читі Чайаан Худайдаң / Тиңнес тее парды Ай Хууңын* 'Богатырь Ай Хучин в семь раз / Лучше семи эрликов, / Богатырь Ай Хучин с семьёй / Творцами-создателями почти сравнялся' (Субракова, 2005: 103). В этом же сказании *читі* характеризует ход эпического времени: *Читі чылға читкенче сагыпчатхайзың, алғаным. / Читі чыл иртібіссем, иртіп халғаным ол полгай* 'Семь лет будешь ждать конца сраженья, моя суженая, / Если за семь перевалит, значит я погиб' (там же).

В монгольском эпосе число *долоо(н)* 'семь' фигурирует довольно часто, характеризуя персонажей и большие отрезки времени: семь чиновников и семь ханских дочерей, семь волков, семь лет беременная служанка живёт в доме хозяина и др. (Жуковская, 2002: 176). Повтор как художественный приём широко встречается в фольклоре и отличается традиционностью (Ломакина, 2011: 67). Это число используется также для выражения неопределённого количества или полноты качества. В монгольском языке само слово *долоо(н)* имеет одно из значений 'множественный, бесчисленный'¹. В монгольских сказках можно встретить такие словосочетания с числом семь: семь дней и ночей, семь глотков воды, семь дакини (небесных дев), семь небесных коней, на семь лошадей станет толще (Жуковская, 2002: 176).

В бурятском эпосе «Гэсэр» эпический размах выражается при помощи числа *долоон* 'семь' в том, что главный герой поднимается в небо в течение семи суток (*долоон сүүдхэ*), велит работать в течение семи месяцев напролёт: *Долоон сэгээн парада / Хурхэн тамай малтуулна бэлэйл даа* 'Семь месяцев круглых / Копать он заставил поверхность ада'². Неоднократно в эпосе упоминаются семь божественных кузнецов (*долоон дархан*)³. Сакральная символика числа семь проявляется в описаниях, связанных с обрядами: *Газаан хани хархада / Долоо мориной толгой / Зухээтээ лэ байбал даа* 'На дворе, / На шестах / Семь голов лошадиных торчали'⁴. Слово *зухээтээ* этнически маркировано и не имеет эквивалента в русском языке. *Зухэли* — шкура с головой жертвенного животного, которую подвешивают на шесте в ходе шаманского обряда в качестве символа победы над злым духом⁵.

По сравнению с фольклором других рассматриваемых языков одним из наиболее частотных употребление числа *долан* 'семь' является в калмыцком эпосе «Джангар». Оно встречается в тексте 202 раза⁶, что говорит о важности его символики в лингвокультуре калмыков. Сакральность числа *долан* обнаруживается в эпосе в таких выражениях, как *дордин долан орн* 'семь стран преисподней (Нижнего мира)', *долан там* 'семь адов', *долан нарни герл* 'свет, сияние семи солнц', *долан цаһан майд* 'семь белых (священных) верблюдов', *долан давхр ширмин хал* 'семь языков испепеляющего огня (пламени)' (Пюрбеев, 2015: 91). Число *долан* усиливает гиперболу, описывающую необыкновенный ослепительный свет, исходивший от меча богатыря Хонгора: меч излучал свет в семь раз ярче, чем солнечный (*герльнь нарни герлэс долан давхр үлү*) (там же: 66). Упоминается в калмыцком эпосе и символика числа *долан* в отношении к родству 'до седьмого колена': *чамаг угичн долан үйдчн таслад... удл уга эн өшәһән авх* 'уничтожит тебя и твой род до седьмого колена и не замедлит отомстить'⁷. В эпическом мире «Джангара» число семь связано с древними традициями и обрядами. Так, в подтверждение клятвы Бёке Цаган семь раз целует лезвие своего булатного меча (*догшин хар селмин ир дола дэкж долав*) и трижды кланяется, прикасаясь к серебряному ханскому столу (Пюрбеев, 2015: 71). Число *долан* используется в гиперболическом описании недюжинной силы растущего богатыря: *Долодгч насндан*

¹ Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь : в 4-х т. : ок. 70 000 слов / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002. [Электронный ресурс] // Altaica.ru. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (дата обращения: 11.10.2023).

² Абай Гэсэр-Хубун: Эпопея: (Эхирит. булагат. вариант) / записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имегенова; подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова; вступ. ст. А. Уланова. Улан-Удэ, 1961. С. 78, 179.

³ Там же. С. 37, 59, 97.

⁴ Там же. С. 164.

⁵ Там же. С. 219.

⁶ Джангар — Би «Жаңһр» дасчанав = Я изучаю «Джангар»: Калмыцко-русский словарь = Хальмг-орс толь / Б. Х. Тодаева; даврга ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элст: Герл, 2009. С. 106.

⁷ Там же.

долан бээрин ам эвдгсн 'В своём семилетнем возрасте разрушил он семь крепостей'¹. В отношении расстояний и времени пути число *долан* и производное от него *дөчн йисн* 'сорок девять' встречаются в ткани повествования довольно часто, создавая большой масштаб расстояния или времени. Немало в тексте конструкций в виде *долан доландөчн йиснхонгт* 'семью семь сорок девять дней' — это долгий путь, достойный богатыря, также и битвы длятся семью семь сорок девять дней (Бурькин, 2004: 116). Видимо, *долан доландөчн йисн* — это особый художественный приём, гипербола, призванная впечатлить слушающих сказание. Встречается магическая семёрка и в народных сказках, символизируя, например, большой рост героя *долан алд* (семь саженей) или длительный период времени. Так, из калмыцких сказок о животных можно узнать о том, что волк, один раз поев, может продержаться семь дней. Ещё семь дней волк может продержаться на желании есть, и ещё семь дней — на воспоминаниях о запахе пищи (Басангова, 2019: 96, 170).

В китайской космогонии мужская сила возвращается через семь дней после убывания (七日来复) (Ди Яогуанг, 2016: 85). В китайской культуре особенно неблагоприятным считается день двух семёрок — 七七 (седьмое июля), в этот день нельзя играть свадьбы. При этом в этот же день отмечается традиционный Праздник влюблённых (七夕, букв. Циси — Семь вечеров), связанный с древней легендой о любви пастуха и ткачихи (созвездия Волопаса и Веги) (Ди Яогуанг, 2016: 85). Внучка небесного божества спустилась к людям и тайно вышла замуж за пастуха. За это она была заключена в небесную темницу. Ей было разрешено встречаться с мужем и детьми только один раз в году — седьмого июля. Теперь китайцы отмечают этот день как праздник влюблённых (Хуан Цинхуа, 2010: 141).

Таким образом, мы видим, что в тувинском фольклоре, как и в фольклоре других рассматриваемых лингвокультур, число семь играет заметную роль. При этом сопоставительный анализ показывает, что наиболее часто оно встречается в калмыцком эпосе.

Чеди в тувинской фразеологии

Число *чеди* находит своё отражение и в тувинских фразеологических единицах (ФЕ) в качестве числа-гиперболы, показателя высшей степени. В частности, известна такая ФЕ, как *Чеди өкпези (чеделээ) туруп кээр* (букв. Семь лёгких его (всемером) встанут) со значением 'сильно рассердиться, разгневаться'². В данном случае число *чеди* используется для выражения крайней степени гнева. В тувинском языке существуют ещё фразеологизмы со значением *разгневаться*, в которых роль органа злости играют именно лёгкие: *өкпези турар* 'букв. его лёгкое поднимется'; *өкпези хөөрээр* 'букв. лёгкие бурлят'; *өкпезин көргүзөр* 'букв. показывать свои лёгкие'; *өкпезин кызаңнадыр* 'показывать свои красные лёгкие'³. Число *чеди* в сочетании с *поднятием лёгких* многократно усиливает значение ФЕ. Надо отметить, что в данном фразеологизме число семь конкурирует с числом четыре, так как существует вариант *дөртөкпези дөртелээ турар* 'букв. четыре лёгких вчетвером поднимутся'⁴.

Число *чеди* выступает в значении 'много' в тувинской пословице о большом обманщике: *Алды арга, чеди мегелиг* '[У него] шесть хитростей, семь обманов' (Кара-оол, 2019: 696). При довольно активном участии числа *семь* в фольклоре и жизни тувинцев в опубликованных сборниках тувинских пословиц нам не удалось обнаружить других паремий с этим числом, кроме пословицы цэнгальских тувинцев, живущих в Монголии: *Чеди катан хемчээп, / Чаңгыс катан кес* 'Семь раз отмерив, / Один раз режь' (Цэнгальские тувинцы, 2020: 118). Эта пословица, вероятно, представляет заимствование монгольской паремии с той же семантической моделью: *Долоо хэмжиж, нэг огтло* 'Семь раз примерь, один раз отрежь' (Кульганек, 2017: 113).

Символика числа семь находит своё отражение в ФЕ и паремиях тюркских народов Саяно-Алтая. Сходное с тувинским правило о том, что люди перестают считаться родственниками на седьмом колене, зафиксирована в хакасской паремии *Чити төлге читире / Хыс алыспацаң* 'До седьмого поколения /

¹ Там же.

² Тувинско-русский фразеологический словарь = Тыва-орус фразеология словари : около 1500 фразеологизмов / сост. Я. Ш. Хертек; под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 184.

³ Там же. С. 131, 132.

⁴ Там же. С. 77.

Нельзя сочетаться браком (с сородичами)¹. Родственные отношения нашли также отражение в хакасской и алтайской пословицах: хакас. *Читі паҗадаң күске дее хорыхпаан, / Ікі харыдастаң аба даа хорыххан* (Семи свояков даже мышь не боится, / Двух братьев даже медведь боится)²; алт. *Јети баја-дан јеекен де коркыбас, / Эки карындаштан айу да качар* (Семи свояков и росомаха не испугается, / От двух братьев и медведь убежит) (Ойноткинова, 2012: 227). В качестве образов семь свояков (более дальнее родство) сравниваются с двумя братьями. Свояки не настолько дружны, как братья. Поэтому, даже если их семеро, т. е. много, их не боятся мелкие звери (мышь, росомаха). Зато два дружных брата способны одолеть самого сильного в тайге зверя (медведя).

Образ росомахи в сочетании с нумеративом *семь* используется и в алтайской пословице: *Јеекен айдат деген: «Јети тууны эбирбезим, / Јеекен адым чыкпазын»* 'Росомаха сказала, говорят: «Семь гор не буду обходить, / Чтобы имя свое росомахи не ославить»' (Ойноткинова, 2012: 90). В образе росомахи высмеивается хвастливый человек. Семь гор метафорически представляют здесь очень большие расстояния.

О старинном обычае, связанном с родственными отношениями, напоминают алтайские паремии: *Јети јеең келзе, јети кой јиир, / Јети бөрү келзе, бирүни јиир* 'Придут семь племянников — семь овец съедят, / Придут семь волков — одну съедят'; *Јеңимкелгенче, јети бөрү келзе торт* 'Чем племяннику моему прийти — / Пусть лучше семь волков придут' (там же: 223). Для понимания данной пословицы необходим лингвокультурологический комментарий. Здесь выражено ироничное отношение к обычаю, согласно которому дядя по матери должен был дарить племяннику обязательный подарок — *баркы*. Если дядя скупился на подарок, то племянник имел право требовать *баркы* через зайсана, возглавлявшего род. Более того, у скупого дяди не считалось грехом даже украсть положенное (там же: 223). В этой пословице иронически описываются опасения дяди относительно того, что племянник может потребовать от него в дар гораздо больше, чем он рассчитывал подарить. Число *семь* здесь неслучайно: *јети бөрү* 'семь волков' символизируют непомерные аппетиты племянника в отношении обязательного подарка. Отголоски подобного обычая сохранились в более позитивной тувинской пословице, которая не содержит нумеративов: *Даг көргенде, бөрү омак, / Даай көргенде, чээн омак* 'Радуется волк, в родную чашу глядя, / А племянник рад, на дядю глядя'³. Интересно, что и в тувинской паремии используются образ волка, который радуется, глядя на свою родную гору, поросшую лесом. И понятно, почему радуется племянник, глядя на своего дядю по матери (Иванов, 2023: 249).

ФЕ в монгольских языках часто характеризуются использованием числа *долоо(н)* в качестве метафоры без сакральной составляющей, со значением неопределённо большого количества или полноты качества, например: монг. *долоо шархтан чоно шиг* 'опытный, осторожный; букв. как семь раз раненый волк'; *долоон уулын цаагуур* 'у чёрта на куличках; букв. за семью горами'⁴; бурятск. *долоон шонын хүлдэжэ үхэхөөр хүйтэн* 'холод, способный заморозить семерых волков'⁵; *досоомни долоон наран гараба* 'внутри у меня семь солнц взойшло'; *досоомни долоон нохой ухөө* 'внутри у меня семь собак умерли'; *долоон уулын с(и)аагуур* 'букв. за семью горами — очень далеко' (Тагарова, 2011: 115); калмыцк. *дотрм долан нарн харсн мет болв; долан холас ус уусн күн* 'ловкач, человек, выдавший виды, букв. испивший воду семи рек'; *долан хаалһдеер бээх күн* 'на виду у всех, букв. у семи дорог'; *долан хаалһ деер үрглх* 'быть в полном неведении, оставаться неосведомлённым, букв. дремать у семи дорог'; *долан уулд бэг* 'путь останется при семи горах (о нежелательности чего-либо)⁶. Как видим, общим для монгольских ФЕ является образ семи гор как чего-то очень далёкого. Образ волка также встречается в ФЕ разных монгольских языков в сочетании с числом *семь*.

¹ Хыйга сös: сиспектер, сösпектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова, 2021. С. 36.

² Там же. С. 125.

³ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 23.

⁴ Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь : в 4-х т. : ок. 70 000 слов / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002. [Электронный ресурс] // Altaica.ru. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (дата обращения: 11.10.2023).

⁵ Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят / сост. Б. Бальбурова. Улан-Удэ, 2020. С. 99.

⁶ Джангар — Би «Жанһр» дасчанав = Я изучаю «Джангар»: Калмыцко-русский словарь = Хальмг-орс толь / Б. Х. Тодаева; дааврта ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элст: Герл, 2009. С. 204.

Число семь активно участвует в поговорках монгольских народов, символизируя множественность и определённый временной отрезок: монг. *Эр хүн долоо дордож, найм сэхдэг* 'Жизнь мужчины семь раз ухудшается, восемь раз улучшается' (Кульганек, 2017: 163); бурятск. *Дуугай хүн долоон аашатай, дунда нуур оёртоо шабартай* 'У тихони семь поступков на уме, у стоячего озера — грязь на дне'; *Нэгэ бүдэрхэн долоо бүдэрхэ* 'Единожды споткнувшийся — семь раз споткнется'¹; калмыцк. *Үүрәсн салхларн долан жыл уульдг, / Төрскнәсн салхларн жирһлин туршар уульдг* 'Расставшись с другом, плачут семь лет, / Расставшись с родиной, плачут всю жизнь'; *Доланас негнь керсү болдг* 'Из семерых один всегда хитроумный'; *Хойр сән иньг нег иргин арснд багтдг, / Хойр му иньг долан иргин арснд багтдг уга* 'Если два друга дружны, то устроятся на шкуре одного барана, / Если же два друга не дружны, то не поместятся и на шкуре семи баранов'².

Двойственность символики числа *семь* в китайской лингвокультуре порождает фразеологизмы, имеющие разные коннотации. Китайское число *семь* выражает крайнюю степень, предел чего-либо: 七窍生烟 (букв. 'Из всех отверстий повалил дым') означает 'сильно разгневаться, выйти из себя, метать громы и молнии'³, что сближает семантику этой ФЕ с тувинской, в которой также используется соматический образ в сочетании с нумеративом 'семь лёгких'. Также *семь* в китайской фразеологии означает большое количество 'много, хорошо и быстро': 倚马七纸 (букв. 'Опёрся на коня — и семь бумаг готовы'). Эта ФЕ имеет значение 'Писать быстро и талантливо'. В основе фразеологизма — предание о Юань Ху, который в походе по приказу начальника написал семь бумаг великолепным слогом, опираясь на бок коня (Ди Яогуанг, 2016: 85). Большое множество дел выражается с помощью ФЕ 七事八事 (букв. 'Семь вещей, восемь вещей') (там же). Отрицательный характер имеют чаще всего ФЕ, в которых число *семь* сочетается с числом *восемь*. Эти ФЕ часто выражают значение отсутствия порядка, путаницы и отрицательных характеристик: 乱七八糟 (букв. 'Семь путаниц, восемь неполадок') 'беспорядок, путаница, всё вверх дном'; 七颠八倒 'Семь — кувырком, восемь — вповалку'⁴; 七零八落 (букв. 'Семь кусочков, восемь падений') 'Рассыпаться в беспорядке; врассыпную; вдребезги'; 七上八下 (букв. 'Семь верх, восемь низ, семь раз подняться, восемь раз опуститься') 'Быть в смятении, растерянности, беспокойство'⁵. Когда говорят о слабом здоровье, используют фразеологизм 七病八痛 (букв. 'Семь болезней, восемь болей') (Хуан Цинхуа, 2010: 141). Таким образом, в китайской фразеологии отражается двойственное отношение китайцев к символике числа.

Подводя итог, отметим, что число *чеди* присутствует в тувинской фразеологии и поговорках, символизируя множественность, полноту, большие отрезки времени, выступая в качестве метафоры в ФЕ и поговорках. Обнаруживается сходство символики числа *семь* в алтайском, хакасском, монгольском, бурятском и калмыцком языках при определённых расхождениях в образности. В китайской фразеологии число 七 имеет двойственную символику, как положительную, так и отрицательную.

Заключение

Согласно проведённому лингвокультурологическому анализу, в тувинских эпических сказаниях, народных сказках и фразеологии заметно проявляется сакральный характер числа *чеди* 'семь', восходящий к мифологической космогонии, представлениям об устройстве мира, древнейшим астрономическим сведениям. Сакральность этого числа в ряде случаев связана с его символикой в буддизме, который исповедуют в Туве. В числовом коде тувинской лингвокультуры число *чеди* является сильным и символическим. Магическая семёрка в эпических произведениях в определённой степени конкурирует с числом *тос* 'девять', иногда соседствуя с ним, дополняя его и при этом уступая ему по частотности употребления. Число *чеди* выражает понятия большого количества, неопределённого множества, определённого периода времени, создавая метафоры, не всегда обладающие сакральным характером. В фольклорных текстах число *семь* создаёт символическую картину миру, а его сочетание с другими числами придаёт текстам особую образность.

¹ Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят / сост. Б. Бальбурова. Улан-Удэ, 2020. С. 101, 152.

² Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: АПП «Джангар», 2007. С. 274, 337, 353.

³ Готлиб О. М., Му Хауин. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений / О. М. Готлиб, Му Хауин. 2-е изд., стереотип. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 326.

⁴ Там же. С. 270.

⁵ Там же. С. 325.

Сопоставительный анализ выявил универсальные, общетюркские и этноспецифические образы в фольклоре и фразеологии рассматриваемых языков, связанные с магической семёркой. Символика и семантика числа *семь* у соседних с тувинцами тюрков, а также у монгольских народов обнаруживают большое сходство с тувинской лингвокультурой. Сходство объясняется общностью тюркских языков и более широкой тюрко-монгольской языковой общностью. Обнаружилось, что число *семь* более сильное у монгольских народов, что отражается в частотности его употребления. Например, в калмыцком эпосе «Джангар» число *долан* 'семь' упоминается более 200 раз. Символика и семантика числа *семь* в китайской лингвокультуре, с одной стороны, сходны с тувинскими во многих отношениях, с другой стороны, особенность китайских ФЕ с числом *семь* состоит в отрицательном характере значений, отмечающем негативные стороны жизни.

Кроме того, говоря об универсальной роли семёрки, можно говорить и о культурном трансфере между соседними народами — тувинцами, монголами и бурятами. Не исключается ещё один возможный фактор, объясняющий универсальность роли числа *семь* во всех рассматриваемых лингвокультурах, — это влияние математики, ведь семёрка является самым большим простым числом в первом десятке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абумова, О. Д. (2013) Числовая символика в русском и хакасском языках // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 2 (6). С. 3–6.
- Бабуева, В. Д. (2001) Мир традиций бурят. Улан-Удэ : Улзы. 144 с.
- Бакаева, Э. П. (2020) Почитание Большой Медведицы в среде ойратов и калмыков: древнейшие представления и буддийские напластования. Часть 2 // Oriental Studies. Т. 13. № 3. С. 661–687. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-49-3-661-687>
- Басангова, Т. Г. (2019) Животные в калмыцком фольклоре. Элиста : КалмГУ. 192 с. (На рус. и калм. яз.).
- Бредис, М. А. (2023) Символика числа девять в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 228–242. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>
- Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–30. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/25/1>
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Борисова, А. С., Лазарева, О. В. (2022) Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 276–293. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2021) Числовой код русинской культуры (на фразеологическом материале) // Когнитивные исследования языка. № 2 (45). С. 202–212.
- Бредис М. А., Новоспаская Н. В. (2023) Особенности употребления нумератива *пять* в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 36–50. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.3>
- Бурыкин, А. А. (2004) Числа в поэтике «Джангара» // Монголоведение. Вып. 3. С. 103–119.
- Бурыкин, А. А. (2020) Буддийские мотивы в фольклоре (на материале калмыцких, тувинских и бурятских эпических произведений и богатырских сказок) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 189–209. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.14>
- Гармаева, А. Э. (2008) Числовая символика в монгольском языке: семантика и функции // Вестник Бурятского государственного университета. № 10. С. 105–110.
- Гребнев, Л. В. (1960) Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа). М. : Изд-во восточной литературы. 148 с.
- Ди Яогуанг (2016) Сопоставительный анализ устойчивых сочетаний с компонентом «семь — qī» в русском и китайском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5 (59): в 3-х ч. Ч. 2. С. 83–86.
- Жуковская, Н. Л. (2002) Кочевники Монголии : Культура. Традиции. Символика : учебное пособие. М. : Восточная литература. 247 с.
- Зиновьева Е. И., Алешин А. С. (2022) Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. № 1. С. 131–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

- Иванов, Е. Е. (2022) Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>
- Иванов Е. Е. (2023) Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. № 1. С. 243–258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>
- Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В. Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 993–1032. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032>
- Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорах: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>
- Иксарова, М. Н. (2021) Место божеств Северного Ковша в китайской системе верований (на примере 北斗七真君) // Культурный код. № 3. С. 7–14. DOI: <https://doi.org/10.36945/2658-3852-2021-3-7-14>
- Кара-оол, Л. С. (2019) Числительные в топонимах Тувы // Oriental Studies. № 4. С. 691–706. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-691-706>
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2021) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 248 с.
- Кульганек, И. В. (2017) Монгольские пословицы и поговорки. Исследование, перевод, комментарий. СПб. : Петербургское Востоковедение. 184 с.
- Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своём фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.
- Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>
- Ломакина, О. В. (2011) Фразеологизмы и пословицы как смысловые доминанты художественного текста (на материале произведений Л. Н. Толстого) // Вопросы филологии. №. 2. С. 67–72.
- Мижит, Э. Б. (2010) Тувинская традиционная космология в героическом эпосе // Новые исследования Тувы. № 1. С. 149–172.
- Монгуш, М. В. (1992) Ламаизм в Туве. Историко-этнографическое исследование. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 140 с.
- Москвичева, С. А., Александрова, О. И., Эбзеева, Ю. Н. (2022) Фольклорные культуремы и структура культурных репрезентаций тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 164–182. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>
- Нам, Е. В. (2016) Роль числовой символики в шаманской космологии и в процессе коммуникации между мирами (на материалах сибирского региона) // Вестник Кемеровского государственного университета. № 1 (65). С. 29–33.
- Нелюбова, Н. Ю. (2022) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. № 1. С. 146–163. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>
- Ойноктинова, Н. Р. (2012) Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров. Новосибирск : Ин-т филологии. 354 с.
- Ойноктинова, Н. Р. (2021) Мифологическая картина мира алтайцев: концепты, мотивы, сюжеты. Новосибирск : ИПЦ НГУ. 622 с.
- Орус-оол, С. М. (2020) Мифы, легенды и предания тувинцев-тоджинцев. Кызыл : Детский литературный сайт «Радуга Тувы». 80 с.
- Паремиология без границ (2020) / ред. М. А. Бредис, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 244 с.
- Паремиология на перекрёстках языков и культур (2021) / ред. Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 246 с.
- Петрушевская, Ю. А. (2022) Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 241–263. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>
- Попов, В. А., Бурькин, А. А. (2019) Калмыцкая терминология родства как отражение исторических связей и этнокультурных контактов Ойратского мира и тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 4–17. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.1>
- Пюрбеев, Г. Ц. (2015) Эпос «Джангар»: Культура и язык (Этнолингвистические этюды). Элиста : КИГИ РАН. 300 с. (На рус. и калм. яз.).
- Самдан, З. Б. (2016) Миф в фольклорной традиции тувинцев (формы бытования, сюжетный состав, система персонажей). Новосибирск : Наука. 180 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика (2001): 2-е изд., доп. / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 822 с.

Субракова, О. В. (2005) Сакральные числа хакасского эпоса // Чатхан: история и современность. Материалы II Международного симпозиума по чатханной музыке и горловому пению / науч. ред. Л. В. Анжиганова. Абакан : Хакасское книжное издательство. 112 с. С. 100–104.

Тагарова, Т. Б. (2011) К лингвокультурологическому описанию бурятских фразеологических единиц с числительными // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Сер. Филология, история, востоковедение. № 2 (37). С. 112–117.

Титаренко, М. Л. (2007) Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М. : Восточная литература. Т. 2. Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко и др. 869 с.

Хуан Цинхуа (2010) Симпатия и антипатия к числам в русской и китайской культурах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 3. С. 138–144.

Цэнгэлские тувинцы: фольклор и литература (2020) / У. А. Донгак [и др.]; науч. ред.: Г. Золбаяр, Б. Баярсайхан; отв. за вып. У. А. Донгак. Новосибирск : Наука. 152 с.

Чугунекова, А. Н. (2019a) Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 10–2(37). С. 18–21.

Чугунекова, А. Н. (2019b) Символика чисел в хакасском и тувинском языках (на материале фольклорных текстов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 12. Вып. 11. С. 432–436.

Шараева, Т. И., Айыжы, Е. В. (2019) Чай в традиционной культуре калмыков и тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 140–153. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.12>

Дата поступления: 15.09.2023 г.

Дата принятия: 12.10.2023 г.

REFERENCES

Abumova, O. D. (2013) Chislovaia simbolika v russkom i khakasskom iazykakh [Numerical symbols in Russian and Khakass languages]. *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai*, no. 2 (6), pp. 3–6. (In Russ.).

Babueva, V. D. (2001) *Mir traditsii buriat [The world of Buryat traditions]*. Ulan-Ude, Ulzy. 144 p. (In Russ.).

Bakaeva, E. P. (2020) Pochitanie Bol'shoi Medveditsy v srede oiratov i kalmykov: drevneishie predstavleniia i buddiiskie naplastovaniia. Chast' 2 [Veneration of Ursa Major among the Oirats and Kalmyks: Ancient Beliefs and Later Buddhist Additions. Part 2]. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 3, pp. 661–687. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-49-3-661-687>

Basangova, T. G. (2019) *Zhivotnye v kalmytskom fol'klore [Animals in Kalmyk folklore]*. Elista, KalmGU. 192 p. (In Russ. and Kalm.).

Bredis, M. A. (2023) Simvolika chisla deviat' v tuvinskoj lingvokul'ture (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov) [Symbolism of the number nine in Tuvan linguoculture (as compared to some Turkic and Mongolian languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 228–242. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>

Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremii v sovremennoj lingvistike: podkhody k izucheniiu, tekstoobrazuiushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial [Paremias in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022) Lingvokul'turologicheskii kommentarii v polilingval'nykh slovariakh poslovits [Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs]. *Voprosy leksikografii*, no. 26, pp. 5–30. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/25/1>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Borisova, A. S. and Lazareva, O. V. (2022) Chislovoi kod tuvinskoj lingvokul'tury v poslovitsakh (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov narodov Rossii) [Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2021) Chislovoi kod rusinskoj kul'tury (na frazeologicheskom materiale) [Numerical code of the Rusyn culture (based on phraseological material)]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 2 (45), pp. 202–212. (In Russ.).

Bredis, M. A. and Novospasskaya, N. V. (2023) Osobennosti upotrebleniia numerativa piat' v tuvinskoj lingvokul'ture (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov) [Features of the use of the numeral five in Tuvan linguoculture (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 36–50. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.3>

Burykin, A. A. (2004) Chisla v poetike «Dzhangara» [Numbers in the poetics of “Jangar”]. *Mongolovedenie*, issue 3, pp. 103–119. (In Russ.).

Burykin, A. A. (2020) Buddiiskie motivy v fol'klore (na materiale kalmytskikh, tuvinskikh i buriatskikh epicheskikh proizvedenii i bogatyrskikh skazok) [Buddhist motifs in folklore: the case of Kalmyk, Tuvan and Buryat epics and heroic tales]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 189–209. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.14>

Garmaeva, A. E. (2008) Chislovaia simbolika v mongol'skom iazyke: semantika i funktsii [Numerical symbolism in the Mongolian language: Semantics and functions]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10, pp. 105–110. (In Russ.).

Grebnev, L. V. (1960) *Tuvinskii geroicheskii epos (opyt istoriko-etnograficheskogo analiza) [Tuvan heroic epos (experience of historical and ethnographic analysis)]*. Moscow, Vost. Lit. 145 p. (In Russ.).

Di Iaoguang (2016) Sopostavitel'nyi analiz ustoichivyykh sochetanii s komponentom «sem' — qi» v russkom i kitaiskom iazykakh [Comparative analysis of stable combinations with the “seven — qi” component in Russian and Chinese]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 5 (59): in 3 parts. Part 2, pp. 83–86. (In Russ.).

Zhukovskaia N. L. (2002) *Kochevniki Mongolii : Kul'tura. Traditsii. Simvolika [Nomads Of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolism]*. Moscow, Vostochnaia literatura. 247 p. (In Russ.).

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2022) Sem'ia v komparativnykh paremiakh tuvinskogo, shvedskogo i russkogo iazykov [The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 131–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Ivanov, Eu. Eu. (2022) Semanticheskaia tipologiya tuvinskikh poslovits (empiricheskie i aksiologicheskie aspekty) [Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 317–337. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Ivanov, Eu. Eu. (2023) Lingvokul'turologicheskie kommentarii v tuvinsko-russko-angliiskom paremiologicheskom slovare [Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 243–258. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, Yu. A. (2021) Natsional'naya spetsifichnost' poslovichnogo fonda (osnovnye poniatiia i metodika vyavleniia) [The ethnic character of the proverbial corpus: basic concepts and procedure for identification]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 993–1032. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Nominatsii zhivotnykh v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh: aspekty realizatsii i problematika izucheniia [Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: problems of studying and aspects of functioning]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Iksarova, M. N. (2021) Mesto bozhestv Severnogo Kovsha v kitaiskoi sisteme verovaniia (na primere 北斗七真君) [The place of the deities of the Northern Ladle in the Chinese belief system (for example 北斗七真君)]. *Kul'turnyi kod*, no. 3, pp. 7–14. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.36945/2658-3852-2021-3-7-14>

Kara-ool, L. S. (2019) Chislitel'nye v toponimakh Tuvy [Numerals in Toponyms of Tuva]. *Oriental Studies*, no. 4, pp. 691–706. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-691-706>

Kenin-Lopsan, M. B. (2021) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of the Tuvans]*. Kyzyl, Raduga Tuvy; Tuvan Book Publishing House. 232 p. (In Russ.).

Kul'ganek, I. V. (2017) *Mongol'skie poslovitsy i pogovorki. Issledovanie, perevod, kommentarii [Mongolian proverbs and sayings. Research, translation, commentary]*. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. 184 p. (In Russ.).

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvintsy v svoem fol'klоре (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora) [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]*. Kyzyl, Tuva book publishing house. 464 p. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvinskaia paremiologiya: lingvokul'turologicheskie i lingvoaksiologicheskie potentsialy [Tuvan paremiology: its linguoculturological and linguoaxiological potential]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Lomakina, O. V. (2011) Frazеологизмы и пословицы как смысловые доминанты художественного текста (на материале произведений Л. Н. Толстого) [Phraseological units and proverbs as semantic dominants of a literary text (based on the material of L. N. Tolstoy's works)]. *Voprosy filologii*, no. 2, pp. 67–72. (In Russ.).

Mizhit, E. B. (2010) Tuvinskaia traditsionnaia kosmologiya v geroicheskome epose [Tuvan Traditional Cosmology in the Heroic Epic]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 149–172. (In Russ.).

Mongush, M. V. (1992) *Lamaizm v Tuve: istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Lamaism in Tuva: a historical and ethnographic study]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 144 p. (In Russ.).

Moskvitcheva, S. A., Aleksandrova, O. I. and Ebzeeva, Yu. N. (2022) Fol'klornye kul'turemy i struktura kul'turnykh reprezentatsii tuvintsev [Folklore cultureemes in the structure of cultural representations of Tuvan people]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 164–182. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

Nam, E. V. (2016) Rol' chislovoi simboliki v shamanskoj kosmologii i v protsesse kommunikatsii mezhdu mirami (na materialakh sibirskogo regiona) [The role of numerical symbolism in shamanic cosmology and in the process of communication between worlds (based on materials from the Siberian region)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (65), pp. 29–33. (In Russ.).

Neliubova, N. Yu. (2022) Aksiologicheskie dominanty paremii kak tipologicheskie markery tuvinskoi, russkoi i frantsuzskoi etnokul'tur [Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Oinotkinova, N. R. (2012) *Altaiskie poslovitsy i pogovorki: poetika i pragmatika zhanrov [Altai proverbs and sayings: poetics and pragmatics of genres]*. Novosibirsk, In-t filologii. 354 p. (In Russ.).

Oinotkinova, N. R. (2021) *Mifologicheskaia kartina mira altaitsev: kontsepty, motivy, siuzhety [Mythological picture of the Altaians' world: concepts, motives, plots]*. Novosibirsk, IPTs NGU. 622 p. (In Russ.).

Orus-ool, S. M. (2020) *Mify, legendy i predaniia tuvintsev-todzhintsev [Myths, legends and legends of the Tuvan-Todzhin people]*. Kyzyl, Detskii literaturnyi sait «Raduga Tuvy». 80 p. (In Russ.).

Paremiologiya bez granits [Paremiology without borders] (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

Paremiologiya na perekrestkakh iazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021) / M. A. Bredis et al.; ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).

Petrushevskaya, J. A. (2022) Tuvinskie i belorusskie poslovichnye paralleli (tipologicheskaia obshchnost' na fone etnokul'turnoi spetsifichnosti) [Tuvan and Belarusian proverbial parallels (typological community amid ethnocultural specificity)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 241–263. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Popov, V. A. and Burykin, A. A. (2019) Kalmytskaia terminologiya rodstva kak otrazhenie istoricheskikh svyazei i etnokul'turnykh kontaktov Oiratskogo mira i tuvintsev [Kalmyk kinship terminology as a reflection of historical ties and ethnocultural contacts between the Oirat world and Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 4–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.1>

Piurbeev, G. Ts. (2015) Epos «Dzhangar»: Kul'tura i iazyk (Etnolingvisticheskie etyudy) [The epic “Dzhangar”: Culture and language (Ethnolinguistic studies)]. Elista, KIGI RAN. 300 p. (In Russ. and Kalm.).

Samdan, Z. B. (2016) *Mif v fol'klornoj traditsii tuvintsev (formy bytovaniia, siuzhetnyi sostav, sistema personazhei) [Myth in the folklore tradition of Tuvinians (forms of existence, plot composition, character system)]*. Novosibirsk, Nauka. 180 p. (In Russ.).

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tiurkskikh iazykov. Leksika [A comparative historical grammar of Turkic languages. Vocabulary] (2001) / E. R. Tenishev, G. F. Blagova, I. G. Dobrodomov et al. ; ed. by E. R. Tenishev. 2nd ed., enlarged. Moscow, Nauka Publ. 822 p. (In Russ.).

Subrakova, O. V. (2005) Sakral'nye chisla khakasskogo eposa [Sacred numbers of the Khakass epic]. In: *Chatkhan: istoriia i sovremennost' [Chatkhan: History and modernity]*. Materials of the II International Symposium on Chathanna Music and Throat Singing / ed. by L. V. Anzhiganova. Abakan, Khakass Book Publishing House. 112 p. Pp. 100–104. (In Russ.).

Tagarova, T. B. (2011) K lingvokul'turologicheskomu opisaniiu buriatskikh frazeologicheskikh edinit s chislitel'nymi [To the linguoculturological description of Buryat phraseological units with numerals]. In: *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo. Issue Filologiya, istoriia, vostokovedenie*, no. 2 (37), pp. 112–117. (In Russ.).

Titarenko, M. L. (2007) *Dukhovnaia kul'tura Kitaia [Spiritual Culture of China] : an encyclopedia : in 5 vol. / ed. by M. L. Titarenko. Moscow, Vostochnaia literatura. Vol. 2. Mifologiya. Religiiia / ed. by M. L. Titarenko et al. 869 p. (In Russ.).*

Khuan Tsinkhua (2010) Simpatii i antipatii k chislam v russkoi i kitaiskoi kul'turakh [Sympathy and antipathy to numbers in Russian and Chinese cultures]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, no. 3, pp. 138–144. (In Russ.).

Tsengel'skie tuvinty: fol'klor i literatura [Tsengel Tuvans: Folklore and literature] (2020) / U. A. Dongak et al., ed. by G. Zolbaier and B. Baiarsaikhan. Novosibirsk, Nauka. 152 p. (In Russ.).

Chugunekova, A. N. (2019a) Simvolika chisel v khakasskoi i tuvinskoi paremiologii [Symbolism of numbers in Khakass and Tuvan paremiology]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 10–2(37), pp. 18–21. (In Russ.).

Chugunekova, A. N. (2019b) Simvolika chisel v khakasskom i tuvinskom iazykakh (na materiale fol'klornykh tekstov) [Symbolism of numbers in the Khakass and Tuvan languages (based on folklore texts)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 12, issue 11, pp. 432–436. (In Russ.).

Sharaeva, T. I. and Aiyzhy, E. V. (2019) Chai v traditsionnoi kul'ture kalmykov i tuvintsev [Tea in the traditional culture of the Kalmyks and Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 140–153. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.12>

Submission date: 15.09.2023.

Acceptance date: 12.10.2023.